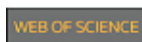

Моргоева Л. Б. Лексико-семантические и структурные трансформации библейского текста при переводе на осетинский язык / Л. Б. Моргоева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 0—00. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-00-00.

Morgoeva, L. B. (2022). Lexico-Semantic and Structural Transformations of Biblical Text when Translated into Ossetian Language. *Nauchnyi dialog*, 11(9): 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-00-00. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-00-00

**Лексико-семантические
и структурные
трансформации
библейского
текста при переводе
на осетинский язык**

Моргоева Лариса Батразовна
orcid.org/0000-0003-3725-754X
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
осетинского языкознания,
Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований
Lalik_m@mail.ru

Владикавказский научный центр
Российской академии наук и
Правительства Республики Северная
Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

**Lexico-Semantic
and Structural
Transformations of Biblical
Text when Translated
Into Ossetian Language**

Larisa B. Morgoeva
orcid.org/0000-0003-3725-754X
PhD in Philology, Senior Researcher,
Department of Ossetian Linguistics,
V. I. Abaev North-Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies
Lalik_m@mail.ru

Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
and the Government
of the Republic North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

© Моргоева Л. Б., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу вариантов перевода Библии на осетинский язык с учетом специфики построения сакрально ориентированных текстов. Рассмотрены вопросы интерпретации реалий, составных наименований, структурно оформленных целостных единиц в переложении на язык, имеющий отличную от других языков понятийную структуру и собственную системную организацию. Отмечается, что это имеет большое значение как для выявления особенностей перевода библейских текстов, составления словаря религиозных терминов и обозначений, так и для изучения всего потенциала языка при репрезентации различного рода сложных реалий с несвойственной осетинскому языку национально-культурной спецификой, чем и обусловлена актуальность данной работы. Материалом послужили Синодальный перевод Библии и версии его перевода на осетинский язык, сопоставление которых позволило выделить ряд особенностей, наибольшим постоянством из которых отличается транслитерация / транскрипция составных наименований и ономастических терминов. Показано, что традиционные способы перевода не всегда в должной мере отображают смысл исходного текста, равно как и прием переосмысления может исказить его до неузнаваемости, поэтому необходимо четкое понимание вариантов лексической сочетаемости единиц переводного языка и границ их семантического диапазона.

Ключевые слова:

осетинский язык; Библия; перевод; семантика; прагматика; лексическая сочетаемость; синтаксические конструкции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the analysis of options for translating the Bible into the Ossetian language, taking into account the specifics of constructing sacred texts. The issues of interpretation of realities, compound names, structurally formed integral units in translation into a language that has a conceptual structure different from other languages and its own systemic organization are considered. It is noted that this is of great importance both for studying the actual translation of biblical texts, compiling a dictionary of religious terms and naming units, and for studying the full potential of linguistic possibilities in representing various kinds of complex realities with national and cultural specifics unusual for the Ossetian language, which determines the relevance of this work. The material was the Synodal translation of the Bible and versions of its translation into the ssetian language, the comparison of which made it possible to identify a number of features, the most consistent of which is the transliteration/transcription of compound names and onomastic terms. It is shown that traditional methods of translation do not always adequately reflect the meaning of the source text, as well as the method of rethinking can distort it beyond recognition, so a clear understanding of the lexical compatibility options of the target language units and the boundaries of their semantic range is necessary.

Key words:

Ossetian language; Bible; translation; semantics; pragmatics; lexical compatibility; syntactic constructions.

Лексико-семантические и структурные трансформации библейского текста при переводе на осетинский язык

© Моргоева Л. Б., 2022

1. Введение = Introduction

Подлежащий переводу текст всегда требует понимания специфики жанра, к которому он относится, наличия знаний о структурных и языковых особенностях подобных текстов и, наконец, учета общих представлений о времени создания оригинального текста и культурно-исторической атмосфере его бытования. При всем многообразии требований к переводу и переводчику, осуществляющему его, при наличии различных способов, критериев, подходов с учетом всех обнаруживаемых особенностей, «для всех видов этой деятельности общими являются два положения: 1) цель перевода — как можно ближе познакомить читателя (слушателя), не знающего ИЯ (иностранный язык. — Л. М.), с данным текстом (или содержанием устной речи); 2) перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров, 2002, с. 15]. Следуя этим двум положениям возможно достижение успешного результата при переводе практически любого текста.

Самостоятельным объектом исследования является перевод канонических текстов, и главным образом текста Библии или отдельных его частей. «Еще до появления книгопечатания Библия была переведена более чем на тридцать языков. К концу XVI века Библия существует практически на всех языках Европы. Миссионерская деятельность среди народов Азии, Африки и Америки приводит к появлению все новых и новых переводов, даже на языки племен малочисленных и отдаленных» [Переводы ... 2017, с. 30—31]. Факт раннего распространения христианства на Кавказе не вызывает сомнения среди ученых, по утверждениям которых аланы, как крупнейший этнос на Северном Кавказе, под влиянием Византии уже к X веку приняли христианство. При отсутствии в то время христианских канонических текстов на осетинском языке уже существовали храмы и даже Аланская церковь, о чем свидетельствуют различного рода упоминания в текстах, языковые факты и археологические находки. «Появление первого осетинского перевода закономерно связано с двумя историческими процессами — формированием системы национального образования (пусть и в скромных масштабах) и созданием осетинского алфавита на базе кириллицы в гражданском изводе» [Асратян, 2020, с. 23].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Известно, что краткий катехизис 1798 года, перевод которого осуществлялся с использованием церковнославянской графики, не получил широкого распространения. При активном участии епископа Моздокского и Маджарского Тая Токаева, владевшего осетинским языком, в Московской Синодальной типографии печатается первая осетинская печатная книга «Начальное учение человеком хотящим учиться книг Божественного Писания» [Начальное учение ..., 1798]. Являясь первым печатным памятником, эта книга может считаться также и первым опытом демонстрации возможностей осетинского языка, поскольку «в ней отражены фонетические, лексико-фразеологические и грамматические средства народно-разговорной речи того времени» [Козырева, 1974, с. 11].

Дальнейшая работа по переводу богослужебных текстов была продолжена, и деятельность эта связана была главным образом с миссионерством — делом распространения христианства в Осетии. Проводилась специальная подготовка священно- и церковнослужителей для осетинских приходов. Эта деятельность теснейшим образом была связана с развитием осетинской письменности. На хуцури (грузинская церковная графика) были написаны букварь и несколько книг, которыми пользовались в Тифлисской духовной семинарии [Асратян, 2020, с. 23]. С учетом непонимания большинства слов, написанных на малознакомом для осетин северной части наречии, отсутствия практической пользы в обучении грузинскому алфавиту получено было разрешение на перевод того же катехизиса на основе алфавита, разработанного уже на тот момент А. М. Шёгреном [Гостиева, 2014, с. 98—99]. За перевод богослужебных книг, «краткой священной истории с кратким катехизисом», псалтиря, а позднее и за перевод Четвероевангелия взялся Г. Мжедлов, который на протяжении многих лет (1837—1861) с завидным усердием изучал осетинский язык, пытался составить и подготовить к изданию осетинскую грамматику, учебники для духовной семинарии, устранил многочисленные замечания А. М. Шёгрена и многократно дорабатывал переведенные им на осетинский язык церковные тексты. Наконец, после одобрения и получения положительной рецензии А. М. Шёгрена Святое Евангелие в переводе Г. Мжедлова на осетинский язык издается в 1861 году тифлисской типографией. Однако по настоятельной рекомендации членов владикавказского Комитета по переводам священно-церковных книг и учебников на осетинский язык и при активном участии переводчиков в лице священников А. Колиева, М. Сухиева, А. Аладжикова, диакона Г. Караева и учителя С. Жускаева изданный перевод Святого Евангелия подвергается архимандритом Иосифом (Чипиговским) очередной правке и в 1864 году издается в Тифлисе [Гостиева,

2014, с. 111]. В 1902 году Святое Евангелие на осетинском языке переиздается во Владикавказе в новой редакции, но в основе его остается перевод Г. Мжедлова.

Д. К. Асратян утверждает, что именно этот текст потом не раз воспроизводился, в том числе как Святое Евангелие (на осетинском языке), изданное в Лондоне-Берлине Британским и иностранным Библейским обществом в 1923 году, и как Новый Завет (на осетинском языке), изданный в Стокгольме Институтом перевода Библии в 1993 году. Однако он ставит под сомнение то, что на протяжении всего времени до появления в 2004 году перевода Нового Завета, подготовленного Институтом перевода Библии, в церковном приходском пользовании был текст Евангелия на основе перевода Г. Мжедлова [Асратян, 2020, с. 27]. Обстоятельное изучение вопросов, связанных с деятельностью первых переводчиков церковно-богослужебных книг, и установление фундаментальности и значимости их вклада в развитие осетинской письменности, грамматики, формирование осетинского литературного языка и религиозной терминологии, очевидно, продолжится. Между тем целью нашего краткого обзора было установление происхождения текста перевода Святого Евангелия на осетинском языке, изданного в 1923 году и отпечатанного с текста, выпущенного в 1902 году с разрешения Преосвященнейшего Владимира, Епископа Владикавказского и Моздокского. Именно этот текст привлек наше внимание для проведения лингвистического анализа в сравнении с современным вариантом перевода Святого Евангелия на осетинский язык при сопоставлении их с Синодальным переводом Библии.

Текст, написанный более полутора веков назад, остается вполне удобовоспринимаемым и пригодным для понимания Слова Божия. Расхождения с современными вариантами написания тех или иных слов в большей степени связаны с отсутствием на то время устоявшихся правил грамматики, морфологии и синтаксиса. Повлиял и тот факт, что «священники из грузин, служившие в осетинских приходах, до последних дней жизни не усваивали правильного осетинского произношения» [Алборов, 1979, с. 22].

Осознавая существенный временной разрыв между переводами, а также отличия современного состояния осетинского языка от его исторического аналога, мы все же считаем необходимым и крайне важным рассмотреть варианты переложения на осетинский язык сакральных текстов Библии, в том числе слов и словосочетаний, которые могут претендовать на статус терминов и обозначений религиозных фактов и понятий. Для лингвистического анализа, в том числе в сопоставительном аспекте, взяты аналогичные тексты Синодального перевода на русский язык (Четвероевангелие, впервые опубликованное в 1819 году), его перевод на осетинский язык

(впервые опубликованный в 1902 году) и осетинский вариант Института перевода Библии (1993, 2004 годы). Для сверки вариантов использовался сайт *Библия онлайн* [Библия], на котором тексты представлены в полном соответствии с печатными изданиями сравниваемых вариантов. В качестве исходного текста рассматривается русский перевод (далее — РП) [Библия, 1990] (РП — выделен курсивом), на который опирались сам Г. Мжедлов и редакционная комиссия дореволюционного перевода (далее — ДП) на осетинский язык [Сыгъдаг ..., 1923] (ДП — представлен с сохранением оригинальной графики), он сопоставляется с современным (далее — СП) исправленным переводом на осетинский язык [Ног Фæдзæхст, 1993; 2004].

Специфика рассматриваемых текстов заключается в том, что их оригинальность в известной степени условна, поскольку все они представляют собой обработанный текст Библии. Важно понимать, что «речь идет не об оригиналах библейских книг, так сказать, “авторизованных” их создателями, а о многократно копировавшихся рукописях, причем цепочка такого рода «копий с копий» <... > может быть достаточно большой» [Хухуни, 2019, с. 492], поэтому перевод Библии становится весьма «трудной задачей для переводчика, особенно при переводе на языки, не имеющие длительной литературной традиции» [Chatzitheodorou, 2001].

3. Результаты и обсуждения = Results and Discussion

3.1. Лексико-грамматические особенности дореволюционного варианта перевода Евангелия

В варианте ДП наблюдается стремление к дословному переложению текста Евангелия с русского на осетинский, что можно считать подстрочником. Очевидно явное стремление не отступать от исходного текста, что имеет как минусы, так, несомненно, свои плюсы. «Буквальный перевод стремится к максимальной дословности. По возможности переводчики передают каждое слово», взятое из исходного текста, в то время как «другой подход можно охарактеризовать как семантический» [Новикова и др., 2013, с. 289].

Отличительной особенностью ДП является форма представления сложных глаголов, когда именная часть практически всегда встречается в слитном написании с вспомогательным глаголом *кæнын*: *фæфæсмонкæнут* — *æрфæсмон кæнут* ‘покайтесь’ (Мф. 4:17); *æмбурдкæнут* — *æмбырд кæнут* ‘собирайте’ (Мф. 6:20); *баиуудзæн* — *баууызæн* ‘прилепится’ (Мф. 19:5); *фæтæриуæдкодта* — *фæтæригъæд кодта* ‘умилосердился’ (Мф. 20:34); *Æмæ Уј ссүһдæгкæндзæн* *Јæ мус*, *æмæ æрæмбурдкæндзæн* *Јæ мæнæу хордон* — *Æмæ ссыгъдæг кæндзæн* *йæ мус*. *Мæнæу бафснайдзæн* *Йæ хордоны* ... «и Он очистит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу...» (Мф. 3:12) и др.

Такое оформление можно было бы объяснить правилами грамматики того времени, где сложные глаголы осетинского языка фиксируются и называются «слитными именами времени» [Шёгрен, 1844, с. 182], однако в ДП встречаются и варианты их раздельного написания, особенно в глаголах с вспомогательным *уæвын* и его грамматическими формами. Сравним: *дис кодтой* — *дисы бафтыдысты* ‘дивился (народ)’ (Мф.12:23); *фæзвлун удзунæ* — *тæрхонгонд уыдызунæ* ‘осудишься’ (Мф.12:37) и др.

Помимо этого, отмечается ряд несоответствий и расхождений, связанных: 1) с использованием местоимения *йæ* в ДП вместо *йæ* в СП (Мф.10:39) в сравн. с (Мф.10:36), *ин* в ДП вместо *йын* в СП (Мф.14:9); 2) с различными вариантами слитного, дефисного и раздельного написания союзных слов и сочетаний: *из-за этого* — *Ûjтvххæj* — *уый тыххæй* (Мф. 16:2), *потому что* — *уымæн-æмæ* (Мф. 27; 6), *но за (ради) себя* — *дæхи тvххæj* — *дæхи тыххæй* (Мф. 17:27); 3) с использованием в ДП диалектных или просторечных форм: *приблизилось* — *æрхæстæд+сi* — *æрхæстæг* (Мф. 4:17); *смутился* — *сÿнгæд+сi* — *суынгæг ис* (Мф. 10: 22); *рассуждали между собой* — *гÿдvкодтой сæхÿдтаг сæхи мiдæг* — *каæрдзийæн дзырдтой* (Мф. 21:25); *еще сильнее кричали* — *iдæгдæр гæркодтой* — *тынгдæр хъæр кодтой* (Мф. 27:23) и др.

Подобные случаи объясняются принципами интуитивного написания, которыми, вероятнее всего, руководствовался Г. Мжедлов, а позднее и члены редакционной комиссии ДП. Однако заметим, что если вопросы правописания и расхождение в выборе грамматических форм напрямую зависят от правил, действующих на момент осуществления перевода, то смысловое соответствие и выбор лексических единиц, адекватно передающих семантику слова, использованного в исходном тексте, — процесс несколько иного порядка, связанный с возможностями языка перевода. При этом точность передачи смысла может быть полной, частичной или опосредованной.

Точная передача характеризуется калькированным переводом понятийных лексем с исходного языка (далее — ИЯ) на переводной язык (далее — ПЯ) при помощи возможностей последнего. Абсолютное калькирование может быть: а) грамматическим, для которого характерно использование эквивалента посредством прямого перевода слова или частей сложного слова и употребление его в той же грамматической форме, что и в ИЯ: *плачущие* — *кауджытæ* (Мф. 5:4); *миротворцы* — *фидауынгæнджытæ* (Мф. 5: 9); *лицемеры* — *цæстмæхъус* (Мф. 6:2); *книжники* — *чiнvд+сvдæснvтæ* — *динамонджытæ* (Мф. 2:4); *древним* — *фvтцагонтаен* — *рагон адамæн* (Мф. 5:21); *древние (люди)* — *фvдæлтæ* — *рагон адам* (Мф. 5:33); б) семантическим, при котором наблюдается стремление найти полный эк-

вивалент в ПЯ через определение обозначаемого объекта в ИЯ: *стеяз* — *цаеуэнтэ* (Мф. 3:3); *пустыня* — *æдзæрæгбæстæ*, *æдзæрæгран* (Мр. 1:13); *тридцать сребренников* — *дæс-æмæ-ссæдз æвзист* — *дæс æмæ ссæдз æвзист æхцыйы* (Мф. 27:3); *заповеди* — *амондзйнадтæй* — *фæдзæхстытæн* (Мф. 5:19); *волхвы* — *дæснутæ* — *стъалыдæснытæ* (Мф. 2:1); с возмездием — *мондагæй* — *мондаджы цæстæй* (Мф. 5:28); *князя народов* — *адæмв æлдæрдтæ* — *æлдæрттæ* (Мр. 10:42) и др.

В некотором смысле такой подход полностью оправдан для текстов религиозной направленности, поскольку обеспечивает сохранность стилистической атмосферы, характерной для данного типа текстов. Нет никаких сомнений, что вариант ДП демонстрирует более полное соответствие с РП и является базовым при создании СП на осетинский язык. Так, перевод слова *книжники* в СП заменяется на контекстный синоним, но эта же структура используется для передачи слова *волхвы*. Опираясь на комментарии Баркли [Библия], предположим, что в ДП отражено первоначальное значение ‘маг’, а в варианте СП подчеркнута связь отдельных мудрецов с астрономией.

Говоря о тождественном переводе, следует понимать, что абсолютного тождества между исходным и переводным текстами не может быть, поскольку всегда обнаруживаются структурно-семантические, прагматические и лингвокультурологические различия между ЯИ и ЯП. Именно поэтому необходимо признать «относительность реально достижимой эквивалентности перевода» [Илюшкина, 2015, с. 30].

Вместе с тем полными эквивалентами мы можем считать лексические переводы ярко выраженных православных реалий, которые в обоих вариантах осетинского перевода идентичны: *Престол Божий* — *Хуцауъ бадæн* — *Хуыцауы бадæн* (Мф. 5:35); *Ангел Господень* — *Хуцауъ заед* — *Хуыцауы заед* (Мф. 22:30); *Сыновья Божьи* — *Хуцауъ фырттæ* — *Хуыцауы хъæбултæ* (Мф. 5:9); *Царство Небесное* — *Уæларвон патцахад* — *Уæларвон Паддзахад* (Мф. 22:2). Отметим, что имена собственные передаются большей частью при помощи транслитерации, что соответствует признанному сегодня положению: «незнакомые имена из другого языка лучше брать в их оригинальной форме» [Липовский, 2010, с. 11]. В отдельных случаях наблюдаются незначительные грамматические различия в сравниваемых переводных вариантах, что никоим образом не мешает распознаванию исходного наименования: *Иуда Искариот* — *Искариотæг Јуда* — *Јудæ Искариот* (Мф. 26:14); *Мария Магдалина* — *Магдалінаг Маріа* — *магдалейæг Мариа* (Мф. 27:56); *Подножие ног Его* — *Јæ кæхтв æнцæјæн у* — *Јæ кæхты æнцой у* (Мф. 5:35) и др.

Транскрипция и транслитерация чаще всего применяются к именам собственным (антропонимам и топонимам), которые анализируются

в числе первых при рассмотрении данной проблематики [Bailey, 2007]. И в этом ряду необходимо остановиться на переводе именовании отдельных персоналий, среди которых *Иоанн Креститель* — *Joann donæjarĥaŭæg* — *Арġауаг Иоанн* (Мф. 3:1). В ДП подчеркивается его особенность ‘креститель водой’, тогда как в СП она опускается — ‘креститель’. В двуязычных словарях осетинского языка мы не находим данную дефиницию, но исходная глагольная форма *арġауын* как религиозный термин представлена для обозначения лексемы со значением ‘служба’ [БРОС, 2011, с. 542], а в более раннем лексикографическом источнике толкуется так: ‘совершать обряд богослужения (венчания, крещения, и т. п.)’ [ОРС, 2004, с. 45]. Таким образом, на наш взгляд, вариант ДП является более удачным (*Иоанн Креститель* — *Joann donæjarĥaŭæg*).

В связи с этим не менее интересно переложение на осетинский язык сочетания *Голгофа, что значит «лобное место»* — *Голгофа, ома Нвхв бунат* — *Голгофае (ома, Сæргæхцы бынат)* (Мф. 27:33). В варианте ДП *лобное место* переводится буквально, но в СП оно заменено на неудачный, на наш взгляд, вариант, соответствующий сочетанию *черепное место*. Если принять во внимание, что переводимое понятие не свойственно культуре осетинского народа, то замена буквального перевода на вариант СП ничем не оправдана, в то время как существует понятие *фынджы ных* «торец стола» (там располагается старший ведущий традиционного молитвенного застолья). Или *ныхыл фыст* «написанное на лбу», *ныхыдзуар* — «счастье, предначертанное судьбой» (букв. ‘крест лба’). Коннотативные смыслы устойчивых сочетаний с компонентом *ных* ‘лоб’ в осетинском языке более близки переводимому сочетанию *лобное место*. Именно поэтому вариант ДП *Ныхы бынат* адекватен и предпочтителен.

С проблемой перевода лексических единиц, «обладающих национальной культурной спецификой и вследствие этого, как правило, не имеющих однозначных межъязыковых эквивалентов» [Хухуни, 2018, с. 258], связано переосмысление и адекватная передача содержания слов, не свойственных осетинскому языку, посредством единиц, имеющих собственную сакральную семантическую нагрузку. Этот процесс осложняется необходимостью отразить семантику одного и того же слова в разных грамматических формах и морфологических производных. Рассмотрим для наглядности два случая перевода с использованием *куывд* / *кувын* ‘молитва / молиться, поклоняться’: *Молитесь за обижающих вас и гонящих вас* — *кувут уæ твхæнд+свтн æмæ уæ сурд+свтн твххæј* — *кувут уе ’фхæрджыты тыххæј* (Мф. 5:44) и *Если ты принесешь дар твой к жертвеннику...* — *Ду кұ æрхæсæј дæ нвсæјнаг куæндонмæ...* — *ды дæ нывондимæ нывондхæссæнмæ* *куы æрцæуай* (Мф. 5:23).

В первом случае перевод ‘молитесь’ в обоих переводных вариантах обнаруживает полное семантическое тождество. Во втором случае *кувæндон* (производное от *кувын*) ‘святилище, моленное место’ используется для обозначения жертвенника в ДП, а в СП для его обозначения вводится лексическое образование *нывондхæссæн* ‘букв. место, куда приносят жертву’. Использованные слова *кувын*, *кувæндон*, *нысайнаг*, *нывонд* являются яркими культурными маркерами концептуального значения, отражающими национальную специфику картины мира и традиционные верования осетинского народа. Будучи использованными для перевода церковных текстов, они, вне всякого сомнения, облегчают восприятие содержания всего контекста, поскольку обладают собственным сакральным значением, которое сдвигает семантическую проекцию в сторону национальной ритуальности и вместе с тем дехристианизует переводной текст. В этом отношении наиболее удачным для передачи содержания слова *жертвенник* является вариант, зафиксированный в СП, поскольку он в меньшей степени нагружен национально-культурным компонентом и способствует адекватному отображению церковной стилистики. Напротив, *храм* в варианте ДП передан как *аргъуан* и является более адекватным и устоявшимся в осетинском языке переводом, нежели уже известное нам *кувæндон*, использованное в СП (Мр. 11:11).

Заслуживают внимания переводы слов *милостыня* и *милостивый* посредством таких номинаций, как *хæрзиуæг* ‘добро, благо, одолжение’ [ОРС, 2004, с. 478], *рæстгæнджытæ* ‘праведные, делающие правильно’, *хорзæхгæнджытæ* ‘благодарствующие, милостивые’ [Там же, с. 486], *хатыргæнджытæ* ‘прощающие’: *Милостивые* — *хорзæхгæнд+свтæ* — *хатыргæнджытæ* (Мф. 5:7) и *Не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас* — *уæ хæрзиуæг мæгъртæн адæмæ раз ма дæдтут* — *уæхи хизут, рæстгæнджытæ кæй стут, уый адæмы цæстмæ æвдисынсæй* (Мф. 6:1). Здесь в обоих вариантах перевода наблюдается некоторое несоответствие собственной семантики лексических единиц, избранных для передачи значения слов, употребленных в исходном тексте. Между тем в современных лексикографических источниках русское слово *милостыня* представлено осетинским *мæгуыргуæггаг* [БРОС, 2011, с. 301], которое нагружено некоторой отрицательной коннотацией, а значит, не соответствует общему фону содержания в исходном тексте. И тут уместно вспомнить утверждение А. С. Десницкого: «Эквивалентность не подразумевает не только полного, но и даже максимально достижимого тождества. Иногда переводчик вынужден намеренно отказаться от максимально близкого варианта перевода, чтобы лучше донести до читателя мысль оригинала» [Десницкий, 2015, с. 25].

Некоторым единицам перевода не всегда можно найти адекватное соответствие в языке перевода. К таким единицам относятся сложные понятия культурного характера, образные выражения и составные наименования. В нашем случае таковыми являются русский как ИЯ и осетинский как ПЯ. По мнению Юджина Найды, развивавшего теорию о методах перевода Библии на другие языки с культурой, не похожей на библейскую, главным приемом в процессе перевода является трансформация, в результате которой происходит многоуровневая перестройка структуры всего текста с учетом потребностей переводного языка [Nida, 1964, с. 159].

3.2. Специфика перевода лексических единиц и словосочетаний

Интересен и перевод атрибутивных словосочетаний в библейских текстах на осетинский язык. В русском варианте сочетания с полным согласованием в роде, числе и падеже главного и зависимого слова при переводе могут менять тип синтаксической связи, поскольку предпочтение отдается содержанию переводимого предложения, даже подчас в ущерб сохранению конструкции: *Волки хищные* — *лабургае бирæһтæ* — *тугдзых бирæгътæ* (Мф. 7:21); *Иссохшая рука* — *цæнкъл кух* — *хуыскъ къух* (Мр. 3:28); *Верный и благоразумный раб* — *æуæнкд+свн æмае хорзондд+свн цаһар* — *иуæрдион æмае зондджын цагъар* (Мф. 24:45) и под. Здесь в обоих вариантах перевода отмечается стремление переводчиков сохранить не только смысловую адекватность, но и синтаксическое оформление исходного текста. Однако в ДП функции прилагательного выполняет именная форма глагола «со значением признака предмета по действию» [Багаев, 1964, с. 353]. Что касается семантического соответствия выбранного для перевода слова, то во всех указанных примерах варианты современного перевода в каждом отдельном случае более точно передают содержание исходного текста.

Обратим внимание на словосочетания с синтаксической связью «управление», где зависимым словом выступает существительное в падежной форме. Среди них мы выделили сочетания: а) с главным словом, выраженным прилагательным или причастием (*Чистые сердцем* — *зæрдæјæ свһдæд+свтæ* — *сыгъдæгзæрдæтæ* (Мф. 5:8); *изгнанные за правду* — *æцæгадв туххæј сырд* — *растдзинады тыххæј æфхæрд æййафджытæ* (Мф. 5:10 (8-11); *имеющие богатство* — *қæздвгад кæмае ис* — *бонджынтæ* (Мр. 10:23) и др. б) с главным словом, выраженным глаголом: *обнес оградою* — *је алфамблај галұан скодта* — *йæ алыварс ын сарæзта æмбонд* (Мр. 12:1); *страдала кровотечением* — *тугнїзæј рвнчвн уыд* — *туг цæуынгей не 'нцад* (Мр. 5:25) и др.; в) с главным словом, выраженным существительным: *Венец из терна* — *свндзвтæј худ* — *сындзын кадыхуд* (Мф. 27:29); *сборщики податей* (мытари) — *қалонїсд+свтæ* — *хъалонисджытæ* (Мф. 5:46) и др.

Ни один вариант перевода не оказался способным сохранить тип синтаксической связи без искажения смысла исходного РП. Закономерности при переводе указанных типов конструкций прослеживаются весьма слабо. Однако отметим, что авторы ДП, очевидно, стремились к установлению полного структурного и семантического соответствия перевода с исходным текстом. Относительно перевода каждого слова в отдельности можно сказать, что найденный эквивалент на осетинском языке оказывается приемлемым, но в синтаксической связи с соседним словом общий смысл сочетания искажен, и высказывание оказывается весьма искусственным, чуждым живому осетинскому языку. Анализируя работы Найда и Тейбера (1969), посвященные переводу библейских текстов, А. С. Десницкий обратил внимание на ряд важных принципов, основывающихся на гениальности каждого языка в отдельности, а значит, «характерных особенностях на всех уровнях любого языка, которые отличают его от всех других, даже близкородственных», поэтому «недостаточно калькировать конструкции языка оригинала» [Десницкий, 2015, с. 52]. Именно этим и объясняется невозможность достижения абсолютной идентичности, к которой стремились авторы первоначального перевода библейских текстов на осетинский язык.

Исходя из наших наблюдений, отметим некоторую тенденцию к образованию сложных словоформ в осетинском при переводе таких сочетаний, как *чистые сердцем* — *сыгъдаггъардæтæ* ‘чистосердечные’ или *имеющие богатство* — *бонджынтæ* ‘богатый, состоятельный’ [ОПС, 2004, с. 190] и *сборщики податей* — самостоятельная композитная словоформа *хъалонисджытæ* с тем же значением, но не зафиксированная в современных лексикографических источниках. Такую возможность образовывать сложные композитные словоформы дает сама структура осетинского языка, для которого свойственно их появление через средство образного мышления и восприятия объективной действительности.

Что же касается сохранения структурной идентичности, более успешными оказываются синтаксические конструкции с сочинительной связью и параллелизмы. И здесь главным приемом является субстантивация, при которой прилагательные выполняют номинативную функцию: *злые и добрые* — *налæттæ æмæ хæрзтæ* — *хæрзтæ æмæ æвæрæттæ* (Мф. 5:45); *праведные и неправедные* — *рæсттæ æмæ злæгтæ* — *рæстытæ æмæ таригъæдджынтæ* (Мф. 5:45) и др. Проблема перевода подобных конструкций лежит исключительно в семантической плоскости. Так, противопоставление посредством введения антонимической пары, которое представлено в исходном РП, в осетинском переводе не выдерживаются, что в определенной степени искажает смысл. Скажем, осетинское *налæт*

‘дерзкий, наглый’ [ОРС, 2004, с. 305] не соответствует русскому *злой* и не является антонимом *хорз* ‘добро, хороший’ [Там же, с. 486], и наоборот, *раст* ‘прямой’ и *зылын* ‘кривой’ [Там же, с. 237, 349] образуют антонимическую пару, но не совсем точно отражают смысл сочетания *праведные и неправедные*. Сомнения вызывают эти пары и в СП.

3.3. Перевод устойчивых конструкций и императивных выражений

Не менее интересны переводы синтаксических параллелей, где мы можем наблюдать ту же проблему с соблюдением семантического соответствия при сохранении структуры конструкции. Скажем, для перевода выражения *ибо много званых, а мало избранных* (Мф. 22:14) в ДП предлагается *сидтытæ* ‘воззвания, обращения, призывы’ и *æвзарстытæ* ‘выборы, отбор’ [Там же, с. 74, 376], а в СП *сидтытæ* заменено на *хуындтытæ* ‘приглашенные, званые’ [Там же, с. 490]. При таком внимании к данной конструкции странно, что без изменения остался перевод слова *избранные*, тогда как логичнее было бы с точки зрения грамматики заменить на *æвзаргæтæ* ‘избранные’ [Там же, с. 377], что имело бы более точное смысловое соответствие, представленное как *хуындтытæ бирæ сты, æвзаргæтæ та — чысыл*.

Наше внимание привлекла еще одна синтаксическая конструкция, уже давно ставшая известным фразеологизмом — *око за око и зуб за зуб* (Мф. 5; 38). Ни один из рассматриваемых нами переводов не выдерживает критики, поскольку в ДП мы имеем *цæст цæстмæ æмæ дæндаг дæндагмæ* ‘глаз к глазу и зуб к зубу’, а в СП предлагается достаточно развернутое *Цæст къахагæн йæ цæст къахинаг у æмæ дæндаг сæттæгæн йæ дæндаг сæттинаг у* ‘выкалывающему глаз надлежит выколоть глаз и выбивающему (ломающему) зуб следует (надлежит) выбить зуб’. В обоих случаях нарушена система правильной организации языковых средств ПЯ при передаче содержания ИЯ, что в первом случае связано с формальными отличиями грамматики осетинского языка от грамматики русского, во втором — с игнорированием семантико-стилистических особенностей обоих языков. И это становится ярчайшим примером того, как «смещение явлений языка и явлений стиля (как явлений речи) неизбежно приводит на практике к формальному истолкованию и воспроизведению языковых особенностей как таковых (насколько это возможно) вне связи с их смысловой и стилистической функцией, то есть к наивному буквализму» [Федоров, 2002, с. 29].

Попытки устранить неточности ДП на осетинский язык породили новые искажения в СП. И если на заре переводческой практики искажения были связаны с трудностями нахождения грамматических и семантических соответствий, то в современной трактовке нарушается общий стили-

стический фон переводимого текста. Так, фразеологизм библейского происхождения *око за око и зуб за зуб* благодаря развернутому переложению на осетинский язык утратил свою афористичность и стилистическую оригинальность и приобрел искаженный смысловой посыл. Вполне возможно, что мы наблюдаем тот факт, когда переводчик «не всегда ставит перед собой цель достичь адекватности оригинала. <...> Для этого он сознательно упрощает или добавляет, сокращает или изменяет передаваемую источником информацию» [Дзапарова, 2014, с. 55]. Такой тип перевода может изменить концепцию подлинника, и текст утрачивает сакральные признаки канонического текста. Сложность и многоплановость библейских текстов напрямую связаны, как нам представляется, в том числе и с многочисленными метафорами и переносными смыслами, которые иногда пытаются заменить на «откровенные толковательные пересказы» [Prickett, 1986, с. 12—13], наиболее удобные для современного понимания.

Известно, что значение слов может быть не только референциальным, но и коннотативным, поэтому без принятия во внимание плана выражения и плана содержания слова не может быть достигнут адекватный перевод. Насколько же необходима была такая «распаковка» смысла фразы *око за око и зуб за зуб* и возможен ли другой перевод? Первый вариант, определенный нами как неправильный, следовало лишь отредактировать без семантических переложений с сохранением синтаксической конструкции и стилистических особенностей: *цæсты ныхмæ — цæст æмæ дæндаджы ныхмæ — дæндаг*, где послелог *ныхмæ* ‘против, взамен’ полностью передает смысл исходного выражения.

Для перевода выражения *не судите, да не судимы будете* — *Фвдкој ма кæнут, æмæ ма чвндæуа ўæ фвдкој* — *Иннæтæн тæрхон ма кæнут, æмæ тæрхонгонд нæ уыдзыстут* (Мф. 7:1) в ДП понятие «судить» репрезентируется лексемой *фвдгой* ‘сплетня, клевета’ [ОРС, 2004, с. 465] и ‘злословие’ [БРОС, 2011, с. 223], тем самым сужается философский смысл библейского понятия. В варианте СП подобран более удачный эквивалент *тæрхон* (*кæнын*) ‘осуждение (осуждать)’ [Там же, с. 581], благодаря которому смысловые границы всего высказывания раскрываются и в полной мере отражают семантику исходного текста. Лишним, пожалуй, является только слово *иннæтæн* ‘другим (над другими)’, поскольку отсутствует функционально-коммуникативная необходимость в нем из-за того, что его нет и в исходном тексте. Перевод не потерял бы своей значимости с вариантом *тæрхон ма кæнут, æмæ тæрхонгонд нæ уыдзыстут*, но полностью соответствовал бы семантике и структуре исходного текста.

Рассмотрим еще пару императивных высказываний, перевод которых, на наш взгляд, несколько сомнителен в обоих вариантах. Так, в выражении

не противься злему — да гугдарæд+св нухмæ ма лæу — да бафхæрджы нухмæ ма рау (Мф. 5:39) нас интересует перевод понятия «зло». В обоих вариантах оно передается посредством формы множественного числа *хъыгдарæг* ‘причиняющий неприятность, беспокойство’ [ОРС, 2004, с. 506], ‘вредный’ [БРОС, 2011, с. 91] и *бафхæрæг* ‘оскорбивший, обидевший, упрекнувший’ [ОРС, 2004, с. 178], ‘обидчик’ [БРОС, 2011, с. 355]. Здесь видим, что зло как философская и нравственно-этическая категория в переводах на осетинский представлено не как абстрактное понятие, а как некое конкретное злодеяние, совершаемое человеком. Совершенно очевидно, что при такой трактовке в корне меняется и семантическая интерпретация всего императива. В этом случае следовало по меньшей мере сохранить признаки абстрактности этого понятия и рассмотреть варианты *фыдаæх* ‘немилость, гнев, ненависть, вражда’, *фыдбылыз* ‘несчастье, беда, зло’, *фыдох* ‘несчастье, бедствие, печаль’, *фыдракæнд* ‘злодеяние’ [ОРС, 2004, с. 29—330], *æвзаердзинад* ‘зло’, *фыд* ‘зло’ [БРОС, 2011, с. 223]. Дело в том, что собственно слово *зло* переводится на осетинский как *фыд*, который в свою очередь является полным омонимом слов *отец*, *мясо*, *жернов* и наречия *очень*, *сильно*, *крайне*. Кроме того, *фыд* активно участвует в образовании сложных слов с коннотативным компонентом зла [Моргоева, 2020].

В выражении *не искушай Господа Бога твоего — ма ках да Хъцау Хуцау* — *ма къах да Хъцау Хуцауы* (Мф. 4:7) сомнение вызывает перевод слова *искушай*. Использованный вариант *къахын* в своем прямом значении весьма отдаленно семантически связан с переводимым словом и в разных сочетаниях передает смыслы ‘копать’, ‘выведывать’, ‘допытываться’ [БРОС, 2011, с. 153, 183, 256]; в переносном значении используется в сочетаниях *загъд (хыл) къахын* ‘затевать ссору (драку)’ или *заерда скъахын* ‘сердце изрыть (нанести жестокую обиду)’. Очевидно, что в представленных семантических вариантах отсутствуют искомые коннотации, полноценно передающие значение слова *искушать* применительно к Богу (как в данном контексте), а значит, требуется его глубинный анализ для поиска адекватного перевода.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный сопоставительный анализ переводов библейских текстов на осетинский язык позволяет прийти к выводу о необходимости применения комплексного подхода к репрезентации различного рода реалий на ПЯ. Важно при этом осознавать, что топонимы и антропонимы, составные наименования и термины, относящиеся непосредственно к религиозной сфере, должны оставаться неизменными и по мере возможности уз-

наваемыми, поскольку являются ключевыми и выполняют каноническую функцию. В этом отношении дореволюционный перевод Евангелий на осетинский язык отличается строгим следованием принципам буквально-го перевода и попыткой сохранить строй синтаксических конструкций или их частей. Отмечаются также заслуживающие внимания лексикографов лексические новообразования и удачные словоформы.

Современный вариант перевода этого же текста нацелен на более свободное переложение содержания переводимого текста, где основное внимание уделяется лексической сочетаемости, соблюдению грамматических норм и принципов осетинского языка. Однако стремление к адаптации при поиске эквивалентов на ПЯ может привести к излишнему переосмыслению исходного контекста и нарушить его смысловую организацию в переводе. Особенно негативно это сказывается на устоявшихся в языке и легко узнаваемых выражениях и императивных установках религиозного характера, которые при переводе могут утратить свою афористичность и структурно-семантическую оригинальность, что повлечет за собой десакрализацию библейского текста. Для передачи духовной атмосферы текста и сохранения особого слога канонических текстов при переложении на другой язык необходим комплексный подход и применение комбинированных способов перевода.

Источники и принятые сокращения

1. Библия онлайн [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://online-bibliya.ru> (дата обращения 13.07.2022).
2. БРОС — *Большой русско-осетинский словарь* : около 60000 слов и выражений / Л. Б. Гацалова, Л. К. Парсиева. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. — 687 с. — ISBN 978-5-905691-19-5.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета (канонические). С иллюстрациями Гюстава Доре. — Ленинград, 1990. — Том II. — 618 с.
4. *Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного Писания*. — Москва : Синодальная типография, 1798.
5. *Новый завет на осетинском языке* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/ot-matfeya-1427/1> (дата обращения 13.07.2022).
6. *Новый завет (Синодальный перевод)* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://online-bibliya.ru/book/sinodalnyi-1/ot-matfeya-40/1> (дата обращения 16.07.2022).
7. ОРС — *Осетинско-русский словарь* / Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Т. А. Гуриев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева. — Владикавказ : «Алания», 2004. — 540 с.
8. *Сыгъдаг Евангелие*. Святое Евангелие на осетинском языке. — Лондон-Берлин : Британское и иностранное Библейское общество, 1923. — 290 с.
9. *Ног Фæдзæхст*. — Стокгольм : Институт перевода Библии, 1993.
10. *Нæ Хицау Йæсо Чырыстыйы Ног Фæдзæхст*. — Москва : Институт перевода Библии, 2004. — 504 с. — ISBN 91-89122-84-4.

Литература

1. *Алборов Б. А.* Некоторые вопросы осетинской филологии : статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре / Б. А. Алборов. — Орджоникидзе : Ир, 1979. — 311 с.
2. *Асратян Д. К.* Псалтирь 1848 года — первый опыт перевода Библии на осетинский язык / Д. К. Асратян // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. — 2020. — № 4. — С. 21—30. — DOI: 10.29025/1994-7720-2020-4-21-30.
3. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1964. — Том 1. — 487 с.
4. *Гостиева Л. К.* Православие в Осетии : очерки о православном духовенстве второй половины XIX — начала XX в. / Л. К. Гостиева. — Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. — 557 с. — ISBN 978-5-91480-205-6.
5. *Десницкий А. С.* Современный библейский перевод : теория и методология / А. С. Десницкий. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2015. — 432 с. — ISBN 978-5-7429-0972-9.
6. *Дзапарова Е. Б.* Художественный перевод в осетинской литературе : проблема адекватности переводных текстов / Е. Б. Дзапарова. — Владикавказ : ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. — 312 с. — ISBN 978-5-91480-219-3.
7. *Илюшкина М. Ю.* Теория перевода : основные понятия и проблемы / М. Ю. Илюшкина. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. — 84 с. — ISBN 978-5-9765-2634-1.
8. *Козырева Т. З.* Язык первой осетинской печатной книги / Т. З. Козырева. — Орджоникидзе : Ир, 1974. — 102 с.
9. *Липовский И. П.* Библейский Израиль — история двух народов / И. П. Липовский. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 2010. — 576 с. — ISBN 978-5-93762-066-8.
10. *Моргоева Л. Б.* К вопросу о статусе препозиционных компонентов слова в аспекте контекстной семантики / Л. Б. Моргоева, И. Н. Цаллагова // Kavkaz-Forum. — 2020. — № 4 (11). — С. 32—47. — DOI: 10.46698/r6093-4115-9689-w.
11. *Новикова Н. Л.* Проблемы лингвокультурологической интерпретации библейского текста в переводе / Н. Л. Новикова, А. В. Лебедев // Регионология. — 2013. — № 4 (85). — С. 286—296.
12. *Переводы Библии : история и современность // Современная библеистика и предание Церкви : Материалы VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви, Москва, 26—28 ноября 2013 года / Под общей редакцией митрополита Волоколамского Илариона. — Москва : Познание ; Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2017. — С. 27—44. — ISBN 978-5-9908680-4-5.*
13. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы) : Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. Пособие / А. В. Федоров. — Москва : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. — 416 с. — ISBN 5-94545-014-6.
14. *Хухуни Г. Т.* Бытовые реалии в сакральном тексте : проблемы межъязыковой передачи / Г. Т. Хухуни // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. — 2018. — Выпуск 14 (809). — С. 257—267.
15. *Хухуни Г. Т.* Интерпретация реалий при переводе сакрального текста : языковой и экстралингвистический аспекты / Г. Т. Хухуни, И. И. Валуйцева, А. А. Осипова // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. — 2019. — Т. 23. — № 2. — С. 487—508.

16. Шёгрен А. Осетинская грамматика с кратким словарем осетино-русский и русско-осетинским [Электронный ресурс] / А. Шегрен. — Санкт-Петербург, 1844. — Режим доступа : <https://www.ironau.ru/sjoegren.html> (дата обращения 21.06.2022).

17. Bailey N. A. Proper Names in the Bible : Translation Issues [Electronic resource] / N. A. Bailey. — Word&Did. — December 2007. — Access mode : <https://www.researchgate.net/publication/324574446> (accessed 25.06.2022).

18. Chatzitheodorou I. Problems of Bible Translation [Electronic resource] / I. Chatzitheodorou. — Translation Journal. — October 2001. — Vol. 5. — № 4. — Access mode : <https://www.translationjournal.net/journal/18bible.htm> (accessed 30.06.2022).

19. Nida E. Toward a Science of Translating / E. Nida. — Leiden : Brill, 1964. — 329 p.

20. Prickett S. Words and the Word : Language, Poetics and Biblical Interpretation / S. Prickett. — Cambridge : Cambridge University Press, 1986. — 320 p.

Material resources

Bible online. Available at: <https://online-bibliya.ru> (accessed 13.07.2022). (In Russ.).

Bible. The books of Holy Scripture of the Old and New Testaments (canonical). With illustrations by Gustave Dore, II. (1990). Leningrad. 618 p. (In Russ.).

Initial teaching by a person who wants to take into account the books of Divine Scripture. (1978). Moscow: Synodal Printing House. (In Russ.).

Large Russian-Ossetian dictionary: about 60,000 words and expressions. (2011). Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 687 p. ISBN 978-5-905691-19-5. (In Russ.).

New Testament in the Ossetian language. Available at: <https://online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/ot-matfeya-1427/1> (accessed 13.07.2022). (In Russ.).

New Testament (Synodal translation). Available at: <https://online-bibliya.ru/book/sinodalnyi-1/ot-matfeya-40/1> (accessed 16.07.2022). (In Russ.).

Nog Fædzæhst. (1993). Stockholm: Institute of Bible Translation. (In Russ.).

Næ Hitsau Yeso Chyrystiy Nog Fædzæhst. (2004). Moscow: Institute of Bible Translation. 504 p. ISBN 91-89122-84-4. (In Osset.).

Ossetian-Russian dictionary. (2004). Vladikavkaz: "Alania". 540 p. (In Russ.).

Play the Gospel. The Holy Gospel in the Ossetian language. (1923). London-Berlin: British and Foreign Bible Society. 290 p. (In Russ.).

References

Alborov, B. A. (1979). *Some questions of Ossetian philology: articles and research on the Ossetian language and folklore.* Ordzhonikidze: Ir. 311 p. (In Russ.).

Asratyan, D. K. (2020). Psalter of 1848 — the first experience of translating the Bible into the Ossetian language. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, 4: 21—30. DOI: 10.29025/1994-7720-2020-4-21-30. (In Russ.).

Bagaev, N. K. (1964). *Modern Ossetian language, 1.* Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 487 p. (In Russ.).

Bailey, N. A. (2007). Proper Names in the Bible: Translation Issues. *Word&Did. December*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/324574446> (accessed 25.06.2022).

Bible Translations: History and Modernity. (2017). *Modern Biblical Studies and the Tradition of the Church: Materials of the VII International Theological Conference of the Russian Orthodox Church, Moscow, November 26—28, 2013.* Moscow: Cognition; General Church Postgraduate and Doctoral studies named after sv. Cyril and Methodius. 27—44. ISBN 978-5-9908680-4-5. (In Russ.).

- Chatzitheodorou, I. (2001). Problems of Bible Translation. *Translation Journal*, 5 (4). Available at: <https://www.translationjournal.net/journal/18bible.htm> (accessed 30.06.2022).
- Desnitsky, A. S. (2015). *Modern Biblical Translation: theory and methodology*. Moscow: Publishing House of PSTSU. 432 p. ISBN 978-5-7429-0972-9. (In Russ.).
- Dzaparova, E. B. (2014). *Literary translation in Ossetian literature: the problem of adequacy of translated texts*. Vladikavkaz: CPI SOIGSI VNC RAS and RSO-A. 312 p. ISBN 978-5-91480-219-3. (In Russ.).
- Fedorov, A. V. (2002). *Fundamentals of the general theory of translation (Linguistic problems): For institutes and faculties of foreign languages. languages. Studies. Manual*. Moscow: PHILOLOGY THREE. 416 p. ISBN 5-94545-014-6. (In Russ.).
- Gostieva, L. K. (2014). *Orthodoxy in Ossetia: essays on the Orthodox clergy of the second half of the XIX — early XX century*. Vladikavkaz: CPI SOIGSI VNC RAS and RSO-A. 557 p. ISBN 978-5-91480-205-6. (In Russ.).
- Ilyushkina, M. Y. (2015). *Theory of translation: basic concepts and problems*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 84 p. ISBN 978-5-9765-2634-1. (In Russ.).
- Khukhuni, G. T. (2018). Everyday realities in the sacred text: problems of interlanguage transmission. *Herald of the MGLU. Humanities*, 14 (809): 257—267. (In Russ.).
- Khukhuni, G. T., Valuitseva, I. I., Osipova, A. A. (2019). Interpretation of realities in the translation of sacred text: linguistic and extralinguistic aspects. *Bulletin of the RUDN. Series: Linguistics*, 23 (2): 487—508. (In Russ.).
- Kozyreva, T. Z. (1974). *The language of the first Ossetian printed book*. Ordzhonikidze: Ir. 102 p. (In Russ.).
- Lipovsky, I. P. (2010). *Biblical Israel — the history of two peoples*. St. Petersburg: Humanitarian Academy. 576 c. ISBN 978-5-93762-066-8. (In Russ.).
- Morgoeva, L. B., Tsallagova, I. N. (2020). On the question of the status of prepositional components of a word in the aspect of contextual semantics. *Kavkaz-Forum*, 4 (11): 32—47. DOI: 10.46698/r6093-4115-9689- w. (In Russ.).
- Nida, E. (1964). *Toward a Science of Translating*. Leiden: Brill. 329 p.
- Novikova, N. L., Lebedev, A. V. (2013). Problems of linguoculturological interpretation of the Biblical text in translation studies. *Regionology*, 4 (85): 286—296. (In Russ.).
- Prickett, S. (1986). *Words and the Word: Language, Poetics and Biblical Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.
- Shegren, A. (1844). *Ossetian grammar with a short dictionary of Ossetian-Russian and Russian-Ossetian*. St. Petersburg. Available at: <https://www.ironau.ru/sjoeqren.html> (accessed 21.06.2022). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.09.2022,
одобрена после рецензирования 03.11.2022,
подготовлена к публикации 25.11.2022.